

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

*Полевые заметки: Становление исследований Ближнего Востока в США*¹²

ЗАХАРИ ЛОКМАН,

Издательство Стэнфордского университета, 2016. 376 страниц.

Всплеск энтузиазма, связанный со стремлением к знаниям о других регионах и народах мира, не случаен. Исследуя проблему становления регионоведения, Захари Локман, историк современного Ближнего Востока, тщательно исследует факторы, которые повлияли на процесс создания и распространения знаний о Ближнем Востоке в Соединенных Штатах с 1920-х по 1980-е годы в своей книге *«Полевые заметки: Становление ближневосточных исследований в США»* [Field Notes: The Making of Middle East Studies in the United States], которая дополняет другую его заметную работу *«Противоречивые представления о Ближнем Востоке: История и политика ориентализма»* [Contending Visions of the Middle East: The History and Politics of Orientalism. Cambridge University Press, 2004].

Опираясь на обширные архивные исследования, Локман подробно рассказывает об участии фондов Карнеги, Рокфеллера и Форда и о руководящей роли специализированных институтов (Совет по исследованию социальных наук, Американский совет научных обществ, Комитет по арабоведению и исламоведению, Ассоциация изучения Ближнего Востока и другие) в преобразовании содержания и концепции изучения Ближнего Востока в США. Хотя эти организации считали себя альтруистическими, их финансирование региональных исследований, принятие интернационалистской перспективы и выдвижение Соединенных Штатов в качестве растущей силы, несущей на себе бремя глобальной ответствен-

¹² Рецензия на книгу была впервые опубликована на английском языке в *Журнале образования в мусульманских обществах*, 1(2), 69–72. DOI 10.2979/jems.1.2.05

ности, также расценивалось как часть их усилий по борьбе с нарастающей волной сопротивления огромной экономической и политической власти, сосредоточенной в руках владельцев и менеджеров гигантских корпораций и банков [Р. 2–3]. Локман утверждает, что распространение исследований Ближнего Востока в частности и региональных исследований в целом стало результатом постепенных или периодических сдвигов в гуманитарных и социальных науках, стимулируемых фондами и специализированными учреждениями.

В противоположность главному тезису книги, доминирующий нарратив в истории изучения Ближнего Востока заключается в представлении о том, что соображения национальной безопасности после Второй мировой войны вызвали расцвет ближневосточных исследований, как и других региональных исследований. Например, Осам Халил, другой историк современного Ближнего Востока и автор книги *«Дворец мечты Америки: познание Ближнего Востока и подъем государства национальной безопасности»* [America's Dream Palace: Middle East Expertise and the Rise of the National Security State. Harvard University Press, 2016] утверждает, что профессиональная экспертиза по вопросам Ближнего Востока требовалась в основном вашингтонскому истеблишменту национальной безопасности во время Холодной войны и помогла культивировать взаимовыгодные отношения между академическими институтами и органами национальной безопасности. Халил и Локман пришли к одинаковому выводу о постоянно увеличивающемся разрыве между интеллектуалами и влиятельными в данной области людьми. Однако Халил объясняет этот разрыв согласованием между государственными и негосударственными институтами, обусловленным динамикой власти времен Холодной войны, в то время как Локман подчеркивает особую роль частных благотворительных организаций во внедрении интернационалистской перспективы в академические институты. Кроме того, объяснения Локмана о взаимосвязи изменений в социальных науках и регионоведении перекликаются с аргументами Тимоти Митчелла в его книге *«Ближний Восток в прошлом и будущем социальных наук»* [The Middle East in the Past and Future of Social Science. University of

California Press, 2003] о том, что все колебания в исследованиях Ближнего Востока были отражением изменений в более широком проекте социальных наук.

В первой и второй главах Локман фокусируется на претворении в жизнь потребности Соединенных Штатов в изучении конкретных регионов. Он отмечает, что изучение Ближнего Востока находилось в зачаточном состоянии и что до начала XX века предметом ближневосточных исследований в частности были античные и классические времена. Зарождающийся академический интерес к изучению истории региона после появления ислама возник в контексте войн как часть стратегического импульса «познать своего врага» во имя поддержки военных усилий страны [Р. 10]. Одной из основных проблем, характерных для развития регионоведения, было определение «региона» как центрального понятия и создание уникальных теоретических и эмпирических рамок, отличных от уже используемых другими дисциплинами социальных наук (антропология, история, социология, лингвистика и политология) для улучшенного понимания тех же самых явлений. Определение понятия «регион» – это скорее политический, чем географический вопрос, особенно в контексте Ближнего Востока; концепция «Ближний Восток» весьма изменчива и насыщена содержанием, будучи придуманной американскими военными и популяризированной британским правительством для обозначения земель, большинство населения которых составляют мусульмане, подлежащих разделу после распада Османской империи. Оно осталось семантическим отличительным признаком имперского наследия в регионе.

Локман объясняет бурное развитие регионоведения в послевоенный период значительными структурными изменениями, которые претерпели университеты и колледжи в США. Эта эпоха, известная как «золотой век американского высшего образования», характеризовалась экспоненциальным ростом государственного финансирования учебных заведений и числа студентов, обучающихся в университетах и колледжах. Традиционные американские университеты, созданные по образцу немецких исследовательских институтов, в конечном итоге были заменены новыми учебными заведениями, основанны-

ми и поддерживаемыми крупными фондами. Эта быстрая трансформация была расценена как корпоратизация высшего образования и саркастически названа «военно-академическим промышленным комплексом» студентами и учеными левой ориентации [Р. 54-55].

С критикой в адрес взаимного проникновения университетов, региональных программ и правительственных агентств, занимающихся сбором информации, в частности Управления стратегических служб (УСС – Office of Strategic Services, OSS), выступали и другие ученые, такие как антрополог Чарльз Уогли (1913–1991). Для Уогли главная функция регионоведения заключалась в познании мира, а не в служении военным целям, к тому же проведение обоснованных исследований отвечало наилучшим интересам правительства и академических кругов, как утверждал глава ближневосточного отдела компании R&A Э. А. Спейсер [Р. 60–61]. Эти структурные изменения в высшем образовании в сочетании с лингвистическим поворотом в социальных науках в 1980-х годах, который привел к росту интереса к изучению языков и культур, способствовали распространению регионоведения в Соединенных Штатах. С образованием ААИБВ (Американской ассоциации изучения Ближнего Востока – American Association for Middle East Studies, AAMES) – организации, довольно быстро потерявшей авторитет из-за противоречий вокруг ее предполагаемой политической направленности, и АИБВ (Ассоциации изучения Ближнего Востока – Middle East Studies Association, MESA) регулярные контакты и интеллектуальные обмены между учеными Ближнего Востока приобрели институциональный характер. Тем не менее эти институты периодически подвергались риску оказаться «инфицированными» более масштабными политическими спорами и дебатами в этой области, такими как израильско-палестинский конфликт и внешняя политика США в отношении Ближнего Востока, особенно после событий 11 сентября.

Хотя книга Локмана в первую очередь посвящена конкретной области регионоведения, центральные вопросы, которые она освещает, чрезвычайно важны для современного состояния образовательного процесса, если не сказать глубоко

волнуют. Самым важным из этих вопросов можно назвать сильную зависимость от внешнего финансирования и роль частных филантропов. Последствия опоры на внешнее финансирование многообразны. Во-первых, это ставит под сомнение объективность и независимость науки как таковой. Во-вторых, это подрывает интеллектуальную самостоятельность и отчуждает интеллектуалов от работы, которую они выполняют. В настоящее время право принимать решения о том, что изучать (и все чаще о том, как изучать), зачастую оказывается в руках неакадемических институтов, а именно фондов и корпораций, чей *modus operandi* может определяться различными принципами и не ограничиваться этикой научных исследований. Как метко описал Локман в своей книге «Противоречивые представления о Ближнем Востоке», все это привело формированию в сфере исследований Ближнего Востока в Соединенных Штатах особой ситуации, при которой создатели институтов не относятся к числу ученых в этой области, что в определенном смысле можно рассматривать как марксистскую критику исторического развития исследований Ближнего Востока. Наконец, хотя Локман и другие цитируемые работы вносят важный вклад в понимание развития изучения Ближнего Востока, в них отсутствует преемственность или цепь преемственности в повествовании о том, как государственные деятели, интеллектуалы и общественность региона рассматривали интеллектуальные и институциональные изменения в изучении Ближнего Востока в США и реагировали на них. Исследования, которые описывают становление изучения Ближнего Востока с интерактивной точки зрения, документируя также реакцию региона, могут в большей степени развить наше понимание исторической трансформации ближневосточных исследований.

Сефа Сецен

Кандидат наук

Школа Максвелл сиракузского университета

Сиракузы, штат Нью-Йорк, США

doi: 10.2979/jems1.00004

